

© 2015 г.

М.В. КОВАЛЕВ

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИКА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
СЕРГЕЯ GERMANOVICHA ПУШКАРЕВА (1888–1984)**

Имя историка-эмигранта Сергея Германовича Пушкарева долгое время не было известно в нашей стране. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда было снято табу на изучение истории Русского Зарубежья, его работы начали переиздаваться на Родине и стали предметом научного изучения.

С.Г. Пушкарев родился 8 августа 1888 г. в слободе Казацкая Курской губернии в дворянской семье. Отец историка, Г.И. Пушкарев, получил юридическое образование и служил нотариусом. Детство Сергея прошло в Прохоровке, где располагалось родовое имение его матери, А.И. Пушкаревой, урожденной Шатиловой. В 1899 г. он поступил в Курскую классическую гимназию, которую окончил с золотой медалью в 1907 г. Осенью того же года он был зачислен на историко-филологический факультет Харьковского университета, где в ту пору блистали историки Д.И. Багалей и В.П. Бузескул.

Молодого человека влекла не только наука, но и политика. Он примкнул к студенческому кружку по изучению политэкономии, образованного харьковскими социал-демократами. Пушкарев серьезно увлекся марксизмом и начал усердно изучать произведения К. Маркса и Ф. Энгельса и их русских последователей, в первую очередь Г.В. Плеханова¹. Пушкарев намеревался вступить в меньшевистскую организацию РСДРП, но потерпел неудачу, однако не потерял интереса к марксизму. Весной 1909 г. харьковское охранное отделение произвело аресты местных социал-демократов. Опасаясь ареста, Пушкарев переехал в Киевский университет. В 1910 г. он согласился передать киевским социал-демократам посылку с “Правдой”. Полиция ее перехватила, и Пушкарева в январе 1910 г. взяли под стражу и заключили в белгородскую тюрьму. Там он пробыл до марта, а затем на два года был помещен под гласный надзор полиции с местом проживания в Прохоровке.

Спустя год, желая ближе познакомиться с немецкой философией и немецкой социал-демократией, Пушкарев продолжил свое образование в Германии. В сентябре 1911 г. он стал студентом Гейдельбергского университета, где слушал лекции выдающихся профессоров, среди которых особо выделялся знаменитый философ-неокантианец В. Виндельбанд. Пушкарев вошел в круг русской учащейся молодежи, увлеченной социализмом. Вступив в ряды Русского студенческого общества, он сделал на его заседаниях два сообщения о современном положении России. Однажды молодым русским студентам довелось оказаться на лекции А.В. Луначарского и Л.Д. Троцкого, которые приехали в Гейдельберг с пропагандистскими выступлениями.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.

¹ *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999, с. 10.

Летом 1912 г. Пушкарев вернулся в Прохоровку и поступил на службу в статистический отдел Совета съездов горнопромышленников юга России. В ноябре он вновь был арестован. Через несколько дней его выпустили, однако вновь поместили под гласный надзор полиции. Весной 1913 г. он подал в отставку в статистическом отделе и, чтобы завершить образование, осенью поступил на философский факультет Лейпцигского университета. Политикой он больше не занимался – серьезно увлекся наукой. Возможно, его становлению как историка способствовали лекции знаменитого К. Лампрехта, которые он усердно посещал. Но в планы начинающего историка внезапно ворвалась война.

Когда 31 июля 1914 г. после окончания семестра он возвращался домой, германо-российская граница оказалась закрыта. Так Пушкарев стал невольным пленником в стране, вступившей с Россией в смертельную схватку. Только в середине октября по договоренности между немецким и российским Красным Крестом он в числе других русских “гражданских военнопленных” смог через территорию Швеции вернуться на родину. В январе 1916 г. Пушкарев снова сел на студенческую скамью в Харьковском университете. Здесь он слушал лекции В.И. Саввы и М.В. Клочкова, который оценил уже не молодого студента и стал его научным наставником. В семинаре Клочкова Пушкарев сделал первые шаги в науке.

Окончив курс историко-филологического факультета в мае 1917 г., он уехал домой в Прохоровку, чтобы готовиться к государственным экзаменам. Но политическая обстановка не могла оставить его равнодушным. Он решил, что “прошло время изучать русскую историю и настало время ее делать”², и поступил в армию добровольцем. Его направили в Виленское военное училище, размещавшееся в то время в Полтаве. В ноябре 1917 г. власть в городе захватили большевики. В декабре руководство училища решило присягнуть Центральной Украинской раде в Киеве. Как член училищного комитета Пушкарев в составе делегации отправился в украинскую столицу, где был принят С.В. Петлюрой.

Переговоры закончились безрезультатно, и руководство училища распустило юнкеров. В конце декабря 1917 г. Пушкарев возвратился в Прохоровку, где в то время уже хозяйничали большевики. Большевистский комиссар попытался выгнать семью Пушкаревых на улицу, конфисковал их дом. В качестве “доказательства” своей правоты он заявлял, что раз Пушкарев носит очки, значит, он “буржуй”. Однако крестьянский сход воспрепятствовал этому. Поскольку оставаться в деревне было небезопасно, в начале 1918 г. брат Пушкарева Николай и их тяжелобольная мать перебрались в Харьков. Сергей остался один, чтобы готовиться к экзаменам и одновременно охранять дом от разграбления.

В марте 1918 г. был заключен Брест-Литовский мирный договор. По его условиям Курская губерния делилась между Советской Россией и Украиной. Прохоровка отходила большевикам. Опасаясь за свою жизнь, Пушкарев тоже уехал в Харьков. В мае 1918 г. он успешно сдал государственные экзамены и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В декабре власть в Харькове перешла к большевикам, которые развязали масштабный террор. Одной из жертв этого террора впоследствии окажется учитель Пушкарева – профессор-медиевист А.С. Вязигин.

Наблюдая за происходящим, молодой историк твердо решил примкнуть к белому движению. Он стал инструктором пулеметных курсов в Ростове-на-Дону, а в конце лета 1919 г. был зачислен в сводно-стрелковый полк, который в ноябре перебросили на юг для борьбы с махновцами. В бою под Екатеринославом 4 декабря 1919 г. Пушкарев был ранен³ и в тяжелом состоянии эвакуирован на санитарном поезде в Крым. Лечение раздробленной кости ноги продолжалось до середины 1920 г., однако последствия ранения оказались серьезными, спровоцировав хронический остеомиелит. В конце 1920 г. в результате обострения болезни Пушкарев был на волоске от смерти.

² Там же, с. 50.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 5891, оп. 1, д. 3, л. 26.

Потребовалось несколько операций, чтобы избавить его от мучений, но в итоге врачи зафиксировали 40-процентную потерю трудоспособности⁴.

После выздоровления в Крыму летом 1920 г. Пушкарев сначала выполнял обязанности писаря в Управлении начальника авиации генерала В.М. Ткачева, а затем служил в команде бронепоезда “Офицер”, совершавшего боевые выезды из Крыма через Сивашскую дамбу. Осенью 1920 г., когда стало ясно, что против белого Крыма будут переброшены все силы Красной Армии, команда “Офицера”, взорвав свой бронепоезд, эвакуировалась в Севастополь, откуда уже начинался исход беженцев⁵. 1 ноября на борту парохода “Саратов” Пушкарев навсегда покинул Россию. “Я стоял на палубе и смотрел, как последний кусок русской земли, славный город Севастополь, удаляется все дальше и дальше на северо-восток, пока не исчез на горизонте. Тогда я еще не мог себе представить, что покидаю родную землю навсегда”, – впоследствии писал он⁶.

Вместе с массой других беженцев Пушкарев оказался в Константинополе. Впрочем, он не любил, когда его называли “беженцем”, и неизменно повторял, что “не убежал из России в годы ее несчастий и унижений, а защищал свою страну, покуда мог, с оружием в руках”⁷. На помощь русским эмигрантам пришла Чехословакия, правительство которой летом 1921 г. начало реализовывать знаменитую “Русскую акцию” – программу помощи эмигрантам. Русской молодежи предоставлялась возможность получить образование в Праге и других городах республики, а ученым – продолжить научную работу⁸.

В Константинополе для претендентов на получение чехословацких стипендий была организована проверочная комиссия. Из прошедших проверку лиц формировались группы, которые направлялись в Прагу в сопровождении одного из аспирантов⁹. Лидером одной из таких групп стал Пушкарев. 25 ноября 1921 г., полный надежд на продолжение научной карьеры, он прибыл в Прагу. Историк вспоминал, как его поразили носильщики на вокзале, катившие тележки с багажом и кричавшие: “Позор! Позор!”. Тогда он еще не знал, что “позор” по-чешски означает “осторожно”, а в декабре 1921 г. уже составил длинный список подобных курьезов под заглавием “Словарь чешско-русских недоразумений”¹⁰. Сразу же по приезде в Прагу Пушкарев начал изучать чешский язык и вскоре полностью овладел им.

В первые годы жизни в Чехословакии главной задачей Пушкарева как стипендиата была подготовка к магистерскому экзамену для получения звания приват-доцента. Его наставник – профессор И.И. Лаппо, крупнейший знаток истории Великого княжества Литовского – активно помогал своему ученику в составлении обязательной программы экзамена по русской истории. Она включала в себя огромный спектр вопросов: от вече в Древней Руси и управления в Новгороде и Пскове до преобразовательных планов М.М. Сперанского и взглядов К.С. Аксакова. Процесс сдачи магистерского экзамена в силу колоссального объема материала растянулся на год, что, впрочем, являлось привычной практикой для дореволюционной системы научной аттестации, которая в почти неизменном виде использовалась российской эмиграцией в Праге.

В июне 1923 г. молодой ученый выдержал первый экзамен перед авторитетной комиссией в составе Д.Н. Вергуна, Г.В. Вернадского, А.А. Кизеветтера, И.И. Лаппо,

⁴ Там же, л. 2–2об., 26.

⁵ Пушкарев С.Г. На бронепоезде “Офицер” в белой Таврии. 1920 год. – Белая гвардия, 1999/2000, № 3.

⁶ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка, с. 85.

⁷ Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее – MÚA), f. Arnold Jirásek, kart. 23, inv. č. 1916.

⁸ См. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.

⁹ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка, с. 86.

¹⁰ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 8, л. 14об.; д. 148, л. 1–31; д. 149, л. 1–12; д. 150, л. 1–2; д. 151, л. 1–8; д. 152, л. 1–4; Пушкарев С.Г. Воспоминания историка, с. 87.

Н.О. Лосского, П.Б. Струве, А.В. Флоровского¹¹. В феврале 1924 г. испытания продолжались. На этот раз Пушкареву предстояло дать историко-экономическую характеристику меркантилизма в России и Европе, а затем рассказать о регулировании цен в Московском царстве в XVII в., петровском таможенном тарифе 1724 г. и основных чертах англо-русского торгового договора 1734 г. Через месяц состоялся экзамен по всеобщей истории, включавший вопросы о византийском “Земледельческом законе” и иконоборчестве. Затем последовал экзамен на знание истории Западной Европы Нового времени, в частности, истории Франции XVII–XVIII вв. На последнем экзамене Пушкарев должен был рассказывать о происхождении городов Чехии, Моравии и Силезии, об их типологии и городском праве, а также о влиянии цехов и патрициата на городское самоуправление¹². В ноябре Пушкарев прочел две обязательные лекции: одну – по избранной им самим же теме (“Внутренний строй и внешнее положение Псковского государства в XIV–XV вв.”), другую – по теме, назначенной комиссией (“Эволюция власти великого князя Литовского в XV–XVI вв.”).

Наконец, 5 декабря 1924 г. С.Г. Пушкарев был удостоен звания приват-доцента по кафедре русской истории¹³.

В том же 1924 г. в Праге вышла его первая книга – “Очерк истории крестьянского самоуправления в России”. А.А. Кизеветтер ответил на нее благоприятной рецензией, подчеркнув, что, несмотря на сжатость повествования, книга является “полезным пособием для первоначальной ориентировки в данном вопросе”¹⁴. Эта работа положила начало изучению Пушкаревым истории российского крестьянства. Но в 1920–1930-е годы он не ограничивался одной лишь этой темой. Его увлекла история средневекового Пскова, в результате чего в 1925 г. появилась статья “Внутренний строй и внешнее положение Псковского государства в XIV–XV вв.”¹⁵ Она зародила у ученого интерес к истории самоуправления в России, чем он активно займется несколько десятилетий спустя. Кроме того, Пушкарев опубликовал статью об экономической политике Петра Великого. Здесь чувствуется отголосок занятий в семинаре М.В. Ключкова, известного специалиста по истории XVIII в. Автор ставил в заслугу Петру признание частных интересов главным двигателем промышленного развития и осознание им необходимости свободной конкуренции при создании развитой и самодовлеющей хозяйственно-экономической системы¹⁶. Примечательно, что эта работа получила высокую оценку В.И. Пичеты, который мог познакомиться с ней, находясь в научной командировке в Праге в 1920-х годах¹⁷. Пушкарев написал также несколько научно-популярных очерков о русской православной церкви и ее великих подвижниках¹⁸.

Участвуя в работе семинара Г.В. Вернадского по истории русского права на Русском юридическом факультете в Праге, Пушкарев в 1925/26 учебном году сделал не-

¹¹ Národní archiv České republiky (далее – NA ČR), f. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR, kart. 16, inv. č. 125/1.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem; Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 380, л. 1, 4; *Ковалев М.В.* “Многоуважаемый Профессор Антоний Васильевич!” (к публикации писем С.Г. Пушкарева к А.В. Флоровскому). – Мир историка: историографический сборник, вып. 7. Омск, 2011, с. 487.

¹⁴ Руль, Берлин, № 1316, 1925, с. 5.

¹⁵ *Puškarev S.* Vnitřní zřízení a vnější postavení pskovského státu ve XIV–XV stol. – Sborník věd právních a státních, t. XXV. Praha, 1925; ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 20, л. 1–35.

¹⁶ *Puškarev S.* Zásady obchodní a průmyslové politiky Petra Velikého. – Sborník věd právních a státních, t. XXVI, № 3. Praha, 1926, s. 271–318; ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 27, л. 1–31.

¹⁷ Архив РАН, ф. 1548, оп. 1, д. 424, л. 1.

¹⁸ *Пушкарев С.Г.* Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Прага, 1928; *его же.* Святой Сергий в истории России. – День Русской Славы, 1937, № 7, с. 16–19; *его же.* Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности. Владимирова, 1938; *его же.* Национально-государственная роль православной церкви в Смутное время. – День Русской Славы, 1939, № 9; *его же.* Значение православной церкви в истории русской культуры и государственности. – Свет истинный: православный сборник. Женева, 1939, и др.

сколько докладов на его заседаниях: “Великое Княжество Литовское. Его образование и внутренний строй”, “Литовский Статут 1588 г. и Уложение 1649 г.”, “Государственный строй Великого Княжества Литовского и Московского государства по данным Литовского Статута и Уложения”, “Полное собрание законов как исторический источник для Петровской эпохи”¹⁹.

Вскоре Вернадский стал близким другом Пушкирева на долгие годы. Молодой историк быстро завоевал уважение и других старших коллег. Он стоял у истоков Русского исторического общества в Праге. Еще в марте 1925 г. при его участии прошли подготовительные заседания этой организации. Пушкирев присутствовал на торжественном открытии общества 7 апреля 1925 г. и был среди 22 членов-учредителей, подписавших его Устав²⁰. Первым председателем общества был избран Е.Ф. Шмурло, а Пушкирев принял на себя обязанности секретаря, которые исполнял с 17 марта 1925 г. по 23 апреля 1926 г. Активно участвуя в работе общества, он нередко вступал в острую полемику с коллегами, как, например, в 1925 г. по вопросу оценки декабристов²¹.

В 1920-е годы Пушкирев увлекся также евразийством, чему, вероятно, способствовала дружба с Вернадским. Известно, что Пушкирев помогал ему в работе над “Начертанием русской истории” – программной книгой евразийской историографии, но главенствующего положения в движении Пушкирев не занимал. Он никогда полностью не разделял идейных установок евразийцев и даже, по его собственным словам, “состоял при евразийской церкви на должности штатного еретика”²².

В 1927 г. на страницах “Евразийского временника” была опубликована статья Пушкирева “Россия и Европа в их историческом прошлом”, написанная по предложению П.Н. Савицкого. Автор стремился показать своеобразие исторического пути России по сравнению с Западом. Россия воспринималась им как особый мир. “Между каменными замками, – писал он, – и городами Европы, с одной стороны, и палатками степных кочевников, с другой, широко раскинулся мир деревянных изб русского крестьянина, над которым возвышаются купола и кресты православных церквей”²³. Россию миновали католичество, феодализм, сословно-представительная монархия и городское хозяйство Запада. Но это свидетельствует не об отсталости России, считал автор, а о своеобразии ее исторического пути. Работа Пушкирева содержала ряд спорных суждений, которые он и сам позже признал ошибочными, но она по сей день является примером яркого компаративистского анализа. К концу 1920-х годов ученый отошел от евразийства, хотя и сохранил дружеские отношения с его идеологами.

Пушкирев стал участником большого научного проекта середины 1920-х годов, руководимого известным чешским историком права К. Кадлецом. На протяжении 30 лет тот систематически собирал термины славянского права для “Историко-правового славянского словаря” (“Historicko-právní glosář slovanský”). Пушкирев познакомился с Кадлецом, когда заинтересовался сравнительно-историческим изучением

---

¹⁹ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1925–1926 учебный год. Прага, 1926, с. 22; ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 8, л. 50об.

²⁰ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 254, л. 1; Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 257, л. 1об.; Ковалев М.В. Русское историческое общество в Праге (1925–1945). – Российская история, 2011, № 5, с. 149; *его же*. “Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является... необходимым”. Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 – начало 1940-х гг.). – Отечественные архивы, 2014, № 5, с. 84.

²¹ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 253, л. 10об. – 11; д. 254, л. 6; Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005, с. 77; Ковалев М.В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти. – Диалог со временем, 2008, № 25/2, с. 274; *его же*. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов. – Россия XXI, 2012, № 3, с. 141–142.

²² Пушкирев С.Г. Воспоминания историка, с. 92.

²³ Пушкирев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом. – Евразийский временник, кн. 5. Париж, 1927, с. 122.

памятников славянского права в процессе подготовки к магистерским испытаниям, и начал посещать руководимый им историко-юридический семинар. Кадлец поручил молодому коллеге составить предметный указатель к книге А.С. Лаппо-Данилевского “Организация прямого обложения в Московском государстве” с кратким объяснением каждого термина и, по возможности, переводом на чешский язык. По итогам этой работы Пушкарев составил и передал Кадлецу 200-страничную тетрадь, где в алфавитном списке помещался словарь терминов²⁴.

Работа эта была высоко оценена чешским правоведом, и он привлек русского историка к сотрудничеству. Они регулярно встречались, разбирали историко-правовую терминологию, работали с научной литературой. Общение с Кадлем ввело Пушкарева в чешский научный мир, благодаря содействию профессора появились его первые исследования на чешском языке²⁵. В 1928 г. Кадлец умер, не успев завершить начатую работу. Тогда ее решено было продолжить совместными усилиями чешских и русских ученых под покровительством Славянского института в Праге, сотрудником которого Пушкарев стал в 1929 г.²⁶ Участники проекта изучали правовые памятники, выявляли историко-юридические термины и заносили их на специальные карточки. Эта кропотливая работа продолжалась до начала 1940-х годов, но так и не была завершена. Правда, одним из ее результатов явился опубликованный Пушкаревым в конце 1930-х годов очерк истории русского права²⁷. Ученый трудился вместе со своим чешским коллегой Т. Сатурником, который тоже стал его другом.

Осенью 1927 г. в жизни Пушкарева произошло важное событие – он женился на Ю.Т. Поповой, дочери священника из Старого Оскола. С Юлией Тихоновной Сергей был знаком еще с юности. После революции 1917 г. она осталась в Советской России и лишь с третьей попытки смогла получить разрешение на выезд за границу²⁸. 22 октября 1929 г. в Праге родился их сын Борис, ставший впоследствии известным архитектором и общественным деятелем. Семья Пушкаревых поселилась в знаменитом “профессорском доме” на Бучковой улице, построенном усилиями эмигрантского строительного кооператива. Среди их соседей в разные годы были А.Н. Фатеев, А.Л. Бем, А.С. Ломшаков и другие видные представители русской диаспоры²⁹.

С начала 1920-х годов Пушкарев преподавал на Русских курсах при Русской академической группе, организованных для детей эмигрантов, учившихся в иноязычных школах. Их заведующим долгое время был И.И. Лаппо, но, уезжая в Литву в 1932 г., он передал бразды правления своему ученику³⁰. Покровителями курсов были видный

---

²⁴ NA ČR, f. Komitét pro umnožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR, kart. 16, inv. č. 125.

²⁵ Ibidem; ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 8, л. 59об.; д. 178, л. 1–1об., 2, 5, 17.

²⁶ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 5а, л. 1; Гаген С.Я. Работа русских историков-эмигрантов над глоссарием старославянских правовых терминов. – На рубеже двух культур: российская эмиграция в межвоенной Чехословакии. М., 2012.

²⁷ Пушкарев С.Г. Очерк истории русского государственного права (верховная власть и государственное управление). Прага, [б.г.].

²⁸ Пушкарев Б.С. Долгая дорога в Россию. – Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006, с. 360.

²⁹ Korpřiová A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921–1952). Praha, 2001, s. 30; Пушкарев Б.С. Указ. соч., с. 356; Лешошко С.С., Ковалев М.В. Русская акция помощи и архитектор Владимир Александрович Брандт в Чехословакии (1922–1944). – Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. Прага, 2012, с. 330; Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы: социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013, с. 108–109.

³⁰ Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006, с. 443; Ковалев М.В. “Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...”. Письма профессора И.И. Лаппо С.Г. Пушкареву. 1920–1940-е годы. – Россия и Балтия, вып. 7. М., 2014, с. 148.

чешский политик К. Крамарж и его жена, Надежда Николаевна, происходившая из московского купеческого рода Абрикосовых. В октябре 1933 г. Пушкирев писал Н.Н. Крамаржу о ее муже: «Его неизменная и несокрушимая вера в светлое будущее славянства и в грядущее возрождение великой, национальной и славянской России является высоким примером и нравственной опорой и для нас, русских людей, “в рассеянии сущих”»³¹. Два раза в год Пушкирев водил своих воспитанников на торжественный прием к чете Крамаржей, которая тепло встречала гостей. Смерть покровительницы курсов была воспринята Пушкиревым как личная трагедия. В своем дневнике 3 декабря 1936 г. он с горечью писал: “Скончалась Надежда Николаевна Крамарж – это несчастье выбило на неделю из нормальной рабочей колеи”³². В 1937 г. после смерти самого чешского политика Пушкирев принял участие в подготовке памятного сборника “Карел Крамарж и славянство”³³.

“Русская акция” в начале 1930-х годов была завершена, регулярные выплаты стипендий и пособий русским эмигрантам прекратились. Но, несмотря на трудности, эти годы оказались для Пушкирева творчески плодотворными. Он написал две основательные статьи об истории органов государственного управления в Московском царстве, которые освещали роль целовальников в суде, управлении и государственном хозяйстве Московской Руси³⁴. Во второй половине 1930-х годов ученый увлекся историей чешских средневековых городов. Результаты исследований он представил в статье “Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках”³⁵. Эта работа по-прежнему сохраняет научную значимость, ибо освещает вопросы, мало изученные в отечественной историографии. Она была замечена и чешскими учеными, ее высоко оценил ведущий чешский урбанист профессор Б. Мендл³⁶.

И все же главное направление научной деятельности Пушкирева было связано с историей русского крестьянства. В 1931 г. по предложению видного русского социолога-эмигранта Питирима Сорокина он опубликовал две статьи в международном англоязычном сборнике “Систематическая хрестоматия по сельской социологии”. Первая представляла собой реферат статей, ранее вышедших в журнале “Хозяин”³⁷, и посвящалась изучению политических, социальных и религиозных функций крестьянского мира на Русском Севере в XVI–XVII вв.³⁸ Вторая работа “Политические движения и политические организации русского крестьянства в XX веке” была написана специально для нового сборника. В ней автор, в частности, доказывал, что крестьянство оставалось аполитичным во время событий 1917 г., хотя и надеялось воплотить в жизнь извечную мечту о “черном переделе”. Однако в разгар Гражданской войны крестьяне начали активно бороться за свои права. Именно с 1918 г. они поднялись на действительно вооруженную борьбу, апогеем которой явилось Тамбовское восстание³⁹.

³¹ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 183, л. 8.

³² Там же, д. 8, л. 136об.

³³ Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 380, л. 9.

³⁴ *Пушкирев С.Г.* Целовальники в суде и управлении Московской Руси. – Записки Русского научного института в Белграде, вып. 9. Белград, 1933; *его же.* Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси. – Там же, вып. 13. Белград, 1935.

³⁵ *Puškarov S.* Městský stav a městské zřízení v Čechách v 14 a 15 stoletích. – Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета, т. VIII (XIII), № 57. Прага, 1938; *Пушкирев С.Г.* Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках. – Историографический сборник, вып. 22. Саратов, 2007.

³⁶ MUA, f. Bedřich Mendl, kart. 4, inv. č. 257; *Ульянкина Т.И.* “Дикая историческая полуса...”. Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010, с. 324.

³⁷ *Пушкирев С.Г.* Крестьянский мир на Севере России в XVI–XVII вв. – Хозяин, Прага, 1928, № 12, 13, 38, 39, 40.

³⁸ *Pushkarev S.G.* The Political, Social and Religious Organization of the Mir of the Peasants of Northern Russia during the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – A Systematic Source Book in Rural Sociology, v. II. Minneapolis, 1931.

³⁹ *Pushkarev S.G.* The Political Movements and Political Organization of the Russian Peasantry

В 1939–1941 гг. вышла большая работа Пушкарева “Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России”, явившаяся своего рода итогом его пражского периода⁴⁰. В ней он указал на недопустимое смешение двух разных понятий: мира как особой самоуправляющейся общественно-административной единицы и мира как органа совместного владения и перераспределения земли на уравнительных началах. Историк доказывал, что земельные переделы начали входить в практику в XVIII в. под влиянием государственной политики, например, введения подушной подати. Из равенства платежей вытекало представление о равных земельных наделах. Достигнуть этого можно было только в рамках поземельно-передельной общины, которая постепенно сложилась на территории Европейской России. Пушкарев пришел к выводу, что причины земельного уравнивания были вызваны интересами помещиков и государства, но отнюдь не эгалитарными устремлениями крестьян. Такая точка зрения шла вразрез с идеями как традиционалистов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), так и революционеров (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский)⁴¹.

Свою работу об общине Пушкарев намеревался защитить в качестве магистерской диссертации, однако его планам помешала война. В марте 1939 г. Гитлер вторгся в Чехословакию. В годы оккупации научная жизнь эмигрантов проходила под наблюдением немецкой администрации и протекала вяло. Пушкарев по-прежнему трудился в русской школе, работал над словарем славянского права и посещал заседания Русского исторического общества. В октябре 1940 г. он подготовил для собрания своих трудов статью “Административный строй крупной вотчины XVIII века”⁴². Опубликовать это издание не удалось, а специально написанная для него статья в 1945 г. была утеряна. Историк прочел несколько сообщений на собраниях общества: в октябре 1941 г. – доклад о реформах П.Д. Киселева, 10 октября 1943 г. – “Социологическая теория Морелли (Code de la nature)”, 22 апреля 1944 г. – “К.Д. Кавелин как историк”. Большим потрясением для ученого стало известие о гибели И.И. Лаппо во время бомбардировки Дрездена. Памяти учителя он посвятил проникновенный доклад “Профессор И.И. Лаппо как историк” (4 февраля 1945 г.)⁴³.

Пушкарев никогда не сотрудничал с нацистами, однако в 1945 г. при приближении Красной Армии начал опасаться преследований. Его тревога была небезосновательной: в мае–июне 1945 г. СМЕРШ арестует в Чехословакии немало эмигрантов. В марте 1945 г. Пушкарев сдал свои бумаги в Русский заграничный исторический архив. Часть документов он направил через знакомых в Германию, где они бесследно пропали. 7 апреля 1945 г. он последний раз посетил собрание Русского исторического общества⁴⁴. Пушкаревы твердо решили покинуть Чехословакию. Общественный деятель С.Д. Гегелашвили сумел получить для Пушкарева свидетельство о назначении его преподавателем истории в школе летчиков Русской освободительной армии (РОА) в Ноерне, в Южных Судетах, что давало право на выезд из протектората.

Пушкарев с женой и сыном выехал из Праги 19 апреля 1945 г., захватив с собой некоторые опубликованные работы и рукописи, чтобы в случае чего он мог доказать, что действительно является ученым, а не спекулянтом или контрабандистом. Под Пльзнем поезд остановился, так как городской вокзал был разбомблен. Около двух месяцев

---

in the Twentieth Century. – A Systematic Source Book..., p. 629–631.

⁴⁰ Пушкарев С.Г. Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России. – Записки Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета, ч. 1, 1939, т. IX (XIV), № 61; ч. 2, 1941, т. X (XV), № 77.

⁴¹ См. Ковалев М.В. История российского крестьянства в трудах историка-эмигранта С.Г. Пушкарева. – Запад–Россия–Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах, вып. 3. Ставрополь, 2005.

⁴² Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 264, л. 9, 17.

⁴³ ГАРФ, ф. 5891, оп. 1, д. 216, л. 9; Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 278, л. 4–6, 14; Ковалев М.В. Русское историческое общество в Праге, с. 155; *его же*. “Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...”, с. 152.

⁴⁴ Архив РАН, ф. 1609, оп. 1, д. 278, л. 17.

Пушкаревы прожили недалеко от местечка Клатовы. 12 июня коммерсант Г.И. Кальфе согласился вывезти их дальше на Запад на якобы имевшемся у него грузовике. На самом деле машина принадлежала чешским жандармам-коммунистам. Конфисковав все вещи, те отправили пассажиров на ночь в тюрьму, а наутро увезли из американской зоны и сдали советской комендатуре. Русские солдаты отнеслись к Пушкаревым вполне дружелюбно, а молодой лейтенант, оказавшийся историком, даже звал Пушкарева в СССР, преподавать “если не историю, то хоть латинский язык”⁴⁵. После расспросов Пушкаревым объявили, что они не подлежат репатриации в СССР.

В июле 1945 г. они выехали в Германию. Начался долгий период жизни в лагерях для беженцев и перемещенных лиц. В феврале 1946 г. Пушкаревы поселились в немецкой деревне Эльзенфельд. Осенью 1947 г. их перевели в лагерь Майнлес, а в 1949 г. – в лагерь Пюртен под Мюнхеном. В эти годы Пушкарев преподавал в местных русских школах, а в Эльзенфельде и Пюртене был директором русских школ.

Еще осенью 1946 г. Пушкарев обратился с письмом к Сорокину, попросив его помочь с переездом в США. Он апеллировал к опыту бывшего научного сотрудничества и говорил о горячем желании продолжать исследовательские занятия⁴⁶. Вероятно, Сорокин помочь ему не смог. Тогда при помощи Вернадского Пушкарев направил прошение в Толстовский фонд, занимавшийся оказанием помощи русским ученым-беженцам. В июле 1947 г. Вернадский подготовил для Пушкарева письмо поддержки, где охарактеризовал его как прекрасного ученого⁴⁷. Однако из-за бюрократических процедур переезд за океан все откладывался. Наконец, в июне 1949 г. вопрос был решен. В июле Пушкаревы сели на пароход в немецком порту Бремерхафен и покинули Старый Свет⁴⁸.

В США Пушкаревы некоторое время прожили у Вернадских в Нью-Хейвене, а затем сняли небольшую меблированную комнату. В 1950 г. при поддержке А. Фергюсона, видного университетского чиновника, Пушкарев получил должность преподавателя русского языка в Йельском университете. О преподавании истории не могло быть и речи, так как он недостаточно хорошо знал английский язык, и хотя изучал его еще в Праге, этих знаний для полноценной работы явно не хватало.

Выступить с лекциями на русском языке ему удалось всего лишь несколько раз. В 1951/52 учебном году он прочел курс по русской истории в Фордхэмском университете, летом 1954 г. – в Русском институте Колумбийского университета в Нью-Йорке⁴⁹. Пожалуй, этими краткими курсами педагогическая деятельность Пушкарева в США и ограничилась. Поэтому нельзя согласиться с бытующим мнением, будто он воспитал целую плеяду американских учеников⁵⁰. Пушкарев был исключен из системы преподавания и подготовки научных кадров. Его прямое влияние на американских специалистов ограничивалось уровнем личных бесед и консультаций.

В первые годы жизни в США Пушкарев прилагал огромные усилия, чтобы наверстать годы научного бездействия. Он регулярно посещал библиотеку Йельского университета, где для него было выделено специальное место, и делал бесчисленное количество выписок и заметок из научной литературы и исторических источников. Ведь все прежние рабочие материалы были безвозвратно утеряны. Результат этого

⁴⁵ Пушкарев Б.С. Указ. соч., с. 367.

⁴⁶ Ульяновская Т.И. Указ. соч., с. 320.

⁴⁷ Там же, с. 322; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005, с. 121–122.

⁴⁸ Пушкарев Б.С. Указ. соч., с. 272.

⁴⁹ Жернакова Н. Сергей Германович Пушкарев. – Записки Русской академической группы в США, 1986, т. 19, с. 4; Магеровский Е. Пророк, обернутый вспять: С.Г. Пушкарев, 1888–1984. – Там же, с. 12.

⁵⁰ Яковлева Т.В. “Староста” русских историков. – Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб., 2002, с. 21–22; Чеховская В.А. Научно-педагогическая деятельность С.Г. Пушкарева в годы эмиграции в США (1949–1984 гг.). – Вестник РУДН, 2006, № 3(7), с. 340.

упорного труда не заставил себя ждать. Уже в 1953 г. в нью-йоркском издательстве имени Чехова увидела свет его первая американская книга – “Обзор русской истории”. Пушкарев посвятил ее молодым слушателям своих лекций в лагере для беженцев в немецком городке Пюртен, а также всему русскому юношеству. Это был сжатый и в то же время содержательный очерк социально-политической истории России с древнейших времен до Февральской революции 1917 г. Проблемы культурного и интеллектуального развития автор обрисовал схематично. Архитектоника “Обзора” вполне соответствовала дореволюционным учебным нарративам. Российская история делилась на три больших периода: древнерусский, московско-литовский, императорский. Текст книги, основанной на глубоком знании исторических источников, был насыщен яркими цитатами. “Я хочу, чтобы читатель моей книги воочию видел нашу древность и сам слышал ее голос”, – писал Пушкарев⁵¹.

Историк проявил должное внимание и к трудам своих предшественников (М.М. Богословского, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и др.), апеллируя к их мнению по многим вопросам. В работе чувствовалось сильное влияние традиций “государственной школы” с ее неизменным интересом к эволюции политических институтов. Отсюда – и пристальное внимание к исследованиям К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, В.И. Сергеевича и др. Вместе с тем Пушкарев опирался на научные достижения школы В.О. Ключевского, поэтому и уделил так много места в своей книге проблемам социального строя и общественным отношениям. Интересно, что, освещая историю средневековой России, Пушкарев подробно рассказывал о Великом княжестве Литовском, в котором видел один из альтернативных центров объединения русских земель. Это, безусловно, было связано с влиянием его учителя Лаппо⁵².

“Обзор русской истории” был написан очень быстро и, что называется, с нуля. Сын историка Борис под его диктовку методично печатал черновую версию книги на машинке. Поэтому нельзя согласиться с мнением М.Г. Вандалковской, которая рассматривает ее как евразийский текст, своими корнями восходивший к ранним работам Пушкарева⁵³. В действительности ученый готовил книгу, не имея под рукой никаких пражских материалов. К тому же его разрыв с евразийцами произошел за четверть века до написания “Обзора”⁵⁴. В тексте имеется немало примеров несогласия автора с евразийской историографией. Так, он не признавал один из главных ее постулатов – версию о позитивном влиянии монгольского ига на русскую историю. Наоборот, в “Обзоре” он подчеркивал негативные последствия ига. К ним историк относил ослабление вечевых демократических начал русской политической жизни, тяжелый налоговый гнет, моральное угнетение из-за “необходимости кланяться чуждой власти” и насильственное отчуждение от Европы⁵⁵.

После завершения работы над “Обзором” Пушкарев приступил к написанию книги, посвященной развитию России от начала XIX в. до падения монархии. Книга должна была выйти в том же Чеховском издательстве, однако меньшевики, занимавшие в нем руководящие позиции, опасались, что в рассказе о событиях 1917 г. они могут выглядеть не так, как бы им того хотелось. Поэтому они поставили перед Пушкаревым условие – довести повествование лишь до начала Первой мировой войны, не затрагивая революции и Гражданской войны. К тому же они сильно ограничили автора

⁵¹ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953, с. 6.

⁵² Ковалев М.В. “Пока что еще здесь жить можно сравнительно сносно...”, с. 142.

⁵³ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: “евразийский соблазн”. М., 1997, с. 86; *ее же*. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009, с. 146, 148, 182 и др.

⁵⁴ Пушкарев С.Г. Воспоминания историка, с. 93; Андреев Н.Е. То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). СПб., 2008, с. 335; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге, с. 250.

⁵⁵ См.: Пушкарев С.Г. Обзор русской истории, с. 116–123.

в объеме, и он вынужден был сократить текст. В урезанном виде книга появилась под названием “Россия в XIX веке”⁵⁶.

Возможность издать ее расширенную англоязычную версию появилась лишь в начале 1960-х годов. Американские редакторы настояли, чтобы Пушкирев довел свой рассказ до 1917 г. и дополнил его материалами по истории русских городов и русской культуры. Монография вышла из печати в 1963 г.⁵⁷ Профессор Р. Бирнс назвал ее “лучшей англоязычной книгой о России в предреволюционное столетие”⁵⁸. Она быстро завоевала популярность, и ее тираж стремительно разошелся среди читателей.

В предисловии ко второму изданию 1985 г. переводчик профессор Р. МакНил обосновал необходимость переиздания следующим образом. Он утверждал, что существует три основных подхода к изучению императорской России. Первый – “отрицательно-снижательный”, в его основе лежат представления о России как об отсталой и угнетенной стране, и такого подхода придерживается множество зарубежных исследователей. Второе направление, особенно характерное для советских исследователей, МакНил назвал “отрицательно-полюемическим” – оправдывающим революцию и очерняющим старый режим во имя оправдания захвата власти. Третий подход, который разделял сам профессор, он назвал “отрицательно-диалектическим”, считая, что трудности императорской России накануне революции возникли не из-за ее отсталости, а в ходе преодоления этой отсталости. В зависимости от условий они могли быть преодолены, а могли и не быть. Таким образом, революция не была неизбежной. По заключению МакНила, книга Пушкирева является “самым всесторонним и самым выдержанным изложением аргумента, согласно которому императорская Россия, несмотря на серьезные трудности, развивалась в сторону либеральной политики, плюралистического общества и развитой экономики, пока Первая мировая война не ввергла ее в пучину”⁵⁹. Таким образом, книга Пушкирева оценивалась как альтернативная интерпретация российской истории, в противовес официальной советской историографии и консервативному крылу американской русистики.

Пушкирев действительно уделял большое внимание попыткам модернизации империи – преобразованиям М.М. Сперанского, П.Д. Киселева и Е.Ф. Канкрин, реформам эпохи Александра II, деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, социальным отношениям в России и ее экономическому положению, идейной борьбе реформаторов и реакционеров. В этом стремлении вписать императорскую Россию в общемировой процесс модернизации он был явно близок школе профессора С. Блэка⁶⁰. Пушкирев никогда не был апологетом самодержавия, впрочем, как и сторонником революционного радикализма. Исторический путь России в XIX – начале XX в. представлялся ему не апогеем царизма, опиравшегося на бездарную бюрократию, а чередой “волн существенного движения вперед и последующего отката”⁶¹. Отличительной чертой этого пути было сосуществование реформаторских и реакционных тенденций. Вершиной развития России Пушкирев считал эпоху думской монархии 1906–1914 гг., когда страна, несмотря на действия консервативных сил и революционеров, достигла наивысших успехов и вплотную приблизилась к конституционному устройству. Первая мировая война и революция перечеркнули эти перспективы – историк неизменно делал акцент на упущенных возможностях.

⁵⁶ Пушкирев С.Г. Россия в XIX веке. Нью-Йорк, 1956.

⁵⁷ Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia, 1801–1917. New York, 1963.

⁵⁸ Slavic Review, 1964, v. 23, № 4, p. 746.

⁵⁹ McNeal R.H. Introduction to the New Edition. – Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia, 1801–1917, p. XV.

⁶⁰ См.: Black C.E. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change Since 1861. Cambridge, 1960; *idem*. The Dynamics of Modernization: a Study in Comparative History. New York, 1966, etc.

⁶¹ Пушкирев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001, с. 611.

Причинами кризиса, приведшими к революции, он считал “запаздывание” российской истории: крепостное право следовало отменить не в 1861 г., а в 1762 г., сразу после освобождения дворян от обязательной государственной службы, а парламент необходимо было созвать вскоре после подачи М.М. Сперанским проекта государственных реформ в 1809 г. Но эти задачи не были решены, что и породило серьезные трудности. Неполное и непоследовательное освобождение крестьян замедлило формирование среднего класса, который мог бы стать социальной опорой власти. Парламент же был учрежден не по воле монарха, а вопреки ей, в 1905 г., в самый разгар революции. Широкие круги общества были отстранены от участия в политической жизни, что толкало их в ряды радикальных партий⁶². Эти обстоятельства и привели к падению монархии.

В американский период тема революции и Гражданской войны стала для Пушкирева одной из ключевых. Он словно бы пытался осмыслить трагический опыт событий, участником которых был когда-то. В 1967 г. в “Новом журнале” вышла его статья “Октябрьский переворот 1917 года без легенд”. В ней историк доказывал, что никакого всеобщего революционного энтузиазма в Петрограде не было, как не было и штурма Зимнего дворца. Он писал о “батально-лубочных картинах”, созданных советской пропагандой, ничуть не похожих на историческую действительность. Октябрьские события он не признавал революцией, характеризуя их как “захват власти кучкой... заговорщиков”⁶³. По его мнению, настроение народных масс во время революции и Гражданской войны было в основном либо аполитичным, либо открыто враждебным большевистской власти. Удержаться ей помогли не народная поддержка, а “штыки латышских батальонов и многомиллионные субсидии германского правительства”⁶⁴. Октябрьские события для Пушкирева носили на себе отпечаток трагической случайности.

Историк регулярно публиковал в журналах и газетах статьи на революционную тематику⁶⁵. На их основе составился сборник “Ленин и Россия”⁶⁶. Вошедшие в него работы объединяла мысль о разрушительном влиянии большевизма на Россию и личной ответственности за это В.И. Ленина. Статьи касались внешнеполитических взглядов большевистских руководителей, их связей с немецким генеральным штабом и др. Желая познакомить американских читателей с историей событий 1917 г., Пушкирев принял участие в переводе на английский язык и научном редактировании известной книги С.П. Мельгунова “Как большевики захватили власть”⁶⁷. Работы Мельгунова он высоко ценил, считая их самыми объективными исследованиями по истории русской революции.

В США Пушкирев по-прежнему занимался и историей российского крестьянства, уделяя особое внимание отмене крепостного права, развитию русской деревни во второй половине XIX в. и столыпинской реформе⁶⁸. Он констатировал наличие противоречивых тенденций в развитии пореформенной деревни. Существование

---

⁶² Там же, с. 613.

⁶³ Пушкирев С.Г. Октябрьский переворот 1917 года без легенд. – Новый журнал, кн. 89, 1967, с. 149–150.

⁶⁴ Пушкирев С.Г. Латышские стрелки в борьбе за ленинскую власть в 1917–1918 гг. – Новый журнал, кн. 104, 1971, с. 261.

⁶⁵ Пушкирев С.Г. Ленин о сосуществовании. – Новое русское слово, 22.I.1956; *его же*. Ленин и Маркс. – Новое русское слово, 8.VII.1962; *его же*. Союз Ленина с Вильгельмом II в 1915–1918 гг. – Наши дни, Франкфурт-на-Майне, 1962, № 2(30); *его же*. Внешняя политика Ленина 1914–1923. – Записки Русской академической группы в США, 1970, т. 4, и др.

⁶⁶ Пушкирев С.Г. Ленин и Россия. Сб. ст. Франкфурт-на-Майне, 1978. В 1988 г. вышло второе издание.

⁶⁷ Melgunov S. The Bolshevik Seizure of Power. Santa Barbara, 1972; Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. “Золотой немецкий ключ” к большевистской революции. М., 2007.

⁶⁸ Pushkarev S. The Russian Peasant’s Reaction to the Emancipation of 1861. – Russian Review, 1968, v. 27, № 2; Пушкирев С.Г. Столыпин и Кривошеин. – Новый журнал, кн. 117, 1974.

поземельно-передельной общины воспринималось им как главный тормоз развития сельского хозяйства. Негативно оценивал он контрреформы Александра III, ограничившие имущественные права крестьян и поставившие их самоуправление под контроль земских участковых начальников. Вместе с тем историк отмечал постепенное укрепление в деревне капиталистических отношений и широкое распространение кооперации.

Признавая тяжелое экономическое положение крестьянства во второй половине XIX в., Пушкирев, однако, не соглашался с дореволюционными либеральными, а также советскими историками, которые видели главную причину замедленного развития сельского хозяйства в малоземелье. Оно представлялось ему надуманной проблемой, ибо российский крестьянин обладал в среднем 2,8 га земли, тогда как французский – 2,0, немецкий – 1,8, итальянский – 1,1 га. Более того, к 1905 г. 68% сельскохозяйственных земель принадлежало крестьянам и только 22% – дворянам⁶⁹. Он указывал на экономическую эффективность многих крестьянских хозяйств. Истинными же причинами кризиса сельского хозяйства, по его мнению, являлись низкий уровень агротехники, техническая отсталость, а значит, и низкая производительность труда. Ведение хозяйства экстенсивными методами вынуждало крестьян распахивать места выпаса скота. Сокращение же его численности вело к истощению почвы из-за нехватки удобрений⁷⁰.

При поддержке профессора М. Раева в 1976 г. была опубликована книга Пушкирева об истории крестьянской общины в России⁷¹. В нее вошли два очерка, изданных еще в 1939 и 1941 гг. в Праге и дополненных новой главой, освещавшей судьбы крестьянской общины в XIX–XX вв. Работу над ней Пушкирев вел в 1942–1944 гг., однако черновики были утеряны.

В 1956 г. Пушкирев вместе с Р. Фишером и А.Н. Лосским стал участником инициированного Вернадским проекта по составлению первой документальной хрестоматии по русской истории для американских студентов. Предстояло отобрать необходимые документы, составить комментарии к ним и организовать перевод на английский язык. Пушкирев с воодушевлением взялся за дело⁷². Ему даже выделили специальный кабинет в библиотеке Йельского университета.

Работа над хрестоматией затянулась на долгие годы. В письмах к сыну Пушкирев неоднократно жаловался на возникавшие трудности, в особенности на работу переводчиков⁷³. Действительно, авторский коллектив столкнулся с проблемой поиска английских эквивалентов для русских исторических терминов. Тогда Пушкирев составил специальный словарь для переводчиц. Позднее появилась идея расширить его и опубликовать в виде самостоятельного издания, которое должно было стать своеобразным приложением к хрестоматии. Так в 1970 г. был опубликован подготовленный Пушкиревым “Словарь русских исторических терминов от XI в. до 1917 г.”⁷⁴ Автор попытался собрать воедино наиболее значимые понятия, отраженные в исторических источниках. Он также тщательно проработал исследования классиков дореволюционной историографии и советских авторов, выбирая из них важные и часто используемые термины. Пушкирев словно вернулся к началу своей научной карьеры, когда под руководством Кадлеца он таким же образом собирал и истолковывал непростые исторические понятия.

⁶⁹ Пушкирев С.Г. Россия 1801–1917, с. 328–332.

⁷⁰ Там же, с. 332.

⁷¹ Пушкирев С.Г. Крестьянская поземельно-передельная община в России. Newtonville, 1976.

⁷² Петров Е.В. История американского россиеведения: курс лекций. СПб., 1998, с. 130–131.

⁷³ ГАРФ, ф. 5891, оп. 2, д. 71, л. 106.

⁷⁴ Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917. Comp. by S. Pushkarev. New Haven, 1970.

Появление словаря было восторженно встречено в научных кругах США и Европы. Профессор М. Шефтель в своей рецензии подчеркивал: “Те из нас, кто преподавал русскую историю, знают, сколько ловушек поставлено ее терминологией и сколько возможностей существует для беспорядка. Теперь с этим доступным словарем можно избежать недоразумений и несогласованных толкований часто важных терминов”⁷⁵. Эту же мысль подтвердила известная английская исследовательница И. де Мадариага, отметившая большое значение словаря для всех зарубежных специалистов, так как “большая часть терминологии российской истории отлична от европейской и вообще от той, которая имеет латинскую и германскую основу”⁷⁶.

Трехтомная хрестоматия увидела свет только в 1972 г.⁷⁷ Несмотря на некоторые критические рецензии, она тоже получила благожелательный отклик в научном сообществе. Значение этого издания трудно переоценить: оно предоставляло зарубежным читателям возможность познакомиться с широким кругом источников по русской истории.

Благодаря этим проектам Пушкирев вошел в американское научное сообщество. Он внимательно следил за развитием русистики в США и публиковал рецензии на работы американских авторов. Высоко оценивая труды О. Бакуса, Д. Кеннана, М. Раева, Н. Рязановского, Д. Тредголда и других американских историков, Пушкирев возмущался русофобскими настроениями ряда западных ученых и публицистов, особенно так называемой “тоталитарной” школой. Истоки этих взглядов он возводил к маркизу А. де Кюстину и подобным ему авторам. В качестве доказательства живучести анти-русских стереотипов Пушкирев приводил нью-йоркское 1951 г. издание кюстиновской “России в 1839 г.” с предисловием посла США в Москве в 1946–1948 гг., а в то время – главы ЦРУ генерала У. Смита⁷⁸.

Американский чиновник сравнивал мрачную атмосферу сталинского СССР и николаевской России: те же угнетение и террор, подавление инакомыслия и стремление к завоеванию всего мира. Пушкирев резко протестовал против столь вольных сравнений. Сам он всегда считал Николая I, наряду с А.А. Аракчеевым и К.П. Победоносцевым, “злым гением” России, но не склонен был ставить знак равенства между царизмом и коммунизмом. «Сравнивать правительство Николая I... с нечеловечески-злодейской тоталитарной диктатурой Сталина, – писал он, – с ее миллионами “убиенных и умученных” ни в чем неповинных людей – это все равно, что сравнивать домашнюю кошку с бенгальским тигром на том основании, что у этих животных есть четыре лапы с когтями»⁷⁹. Пушкирев отчетливо видел, что многие западные критики СССР метят не столько в советскую власть, сколько в саму Россию, ее народ, культуру и государственность. Поэтому резкое неприятие у него вызывала так называемая “тоталитарная” школа западной историографии, отстаивавшая неразрывную преемственность имперской и советской истории и не проводившая грани между царизмом и коммунизмом. Борьба с западным русофобством стала одной из главнейших задач в научной деятельности Пушкирева. В полемике с ним он желал доказать, что Россия всегда была открыта для внешнего мира.

В 1965 г. в журнале “Russian Review” появилась программная статья Пушкирева о связях России и западного мира в дореволюционный период. Он отмечал, что культурные контакты между ними не прекращались никогда, вплоть до 1917 г. Реформы Петра сделали поворот России к Европе необратимым. Даже жесткое правление Павла I

⁷⁵ Slavic Review, 1971, v. 30, № 1, p. 134.

⁷⁶ Soviet Studies, 1971, v. 23, № 1, p. 169.

⁷⁷ A Source Book for Russian History from Early Times to 1917. Ed. by G. Vernadsky, v. 1–3. New Haven, 1972.

⁷⁸ Journey for Our Time: the Journals of the Marquis de Custine. Ed. and trans. by P.P. Kohler; intr. by W.B. Smith. New York, 1951.

⁷⁹ Пушкирев С.Г. Маркиз де Кюстин, генерал Смит и профессор Кеннан. – Новый журнал, кн. 106, 1972, с. 274.

и ультраконсервативный режим Николая I не смогли подавить интереса российской интеллигенции к Западу. Своего пика он достиг в начале XX в., когда “российская художественная культура... сформировала неотделимую часть искусства и литературы Запада”⁸⁰. На всем протяжении российской истории, делал вывод Пушкарёв, отношение к иностранцам практически не зависело от политического климата в стране. Россия и Запад являлись не соперниками, а союзниками. “Железный занавес” был не исторической традицией, а результатом советской политики.

Обосновывая свою позицию на конкретном материале, Пушкарёв в 1960–1970-е годы обратился к истории русско-американских отношений⁸¹. Он развил тезис Сорокина о схожести исторического пути российского и американского народов и показал обширные экономические, политические и культурные контакты между двумя державами на протяжении длительного периода. Историк подробно осветил позицию России во время Войны за независимость США, оценил развитие торговых отношений в XIX в., проанализировал восприятие российским обществом и политическими кругами войны Севера и Юга 1861–1865 гг., а также обратился к роли отдельных личностей – Д. Адамса, Т. Джефферсона, Н.П. Румянцева и других – в становлении двухсторонних связей⁸². Для него важно было продемонстрировать многочисленные факты если не дружбы, то прочного партнерства между либеральными США и монархической Россией.

Спор с западными русофобами навел Пушкарёва на мысль написать большое исследование “История свободы в России”, которое опровергло бы представление о России как стране тысячелетнего рабства и показало примеры гражданской активности ее народа. Эта идея владела им долгие годы жизни в США, в ней он видел свой долг историка и патриота. Еще в 1967 г. в статье «Русская земля в “безгосударное” время» Пушкарёв обращал большое внимание на активность различных слоев российского общества в годы Смуты. Именно земские люди, издавна жившие традициями самоуправления, объединились для восстановления государственного порядка и православной веры. «Смутное время, – писал он, – показало, что государство Московское не было созданием и вотчиною своего “хозяина” – государя, но было общим делом и общим созданием “всех городов и уездов всяких чинов людей всего великого Российского Царствия”»⁸³.

Важным шагом на пути к написанию книги об истории свободы стала статья “Элементы политической свободы и общественного самоуправления в допетровской Руси” (1976 г.). В этом сжатом, но содержательном очерке по истории местного самоуправления в России – от вечевых собраний до Земских соборов XVI–XVII вв. – автор отмечал, что “русское население отнюдь не представляло собой толпы безгласных и безличных рабов, послушных только хозяйскому кнуту и только этим кнутом приводимых в движение”⁸⁴.

На закате жизни Пушкарёв понял, что написать задуманную книгу ему уже не позволят преклонный возраст и плохое здоровье. По совету сына он начал составлять ее своеобразный конспект, желая тем самым обозначить контуры интересного исследовательского направления. Так появилась большая статья в журнале “Грани”⁸⁵.

⁸⁰ *Pushkarev S. Russia and the West: Ideological and Personal Contacts before 1917. – Russian Review, 1965, v. 24, № 2, p. 155.*

⁸¹ *Пушкарёв С.Г. Россия и США. Исторический очерк их взаимоотношений – Новый журнал, № 88, 1967; его же. Ленин и США. – Новый журнал, № 100, 1970, и др.*

⁸² См. *Ковалев М.В. Изучение российско-американских отношений русскими историками-эмигрантами. – Славянский мир в социокультурном измерении, вып. 1. Ставрополь, 2004.*

⁸³ *Пушкарёв С.Г. Русская земля в “безгосударное время” (1606–1613). – Записки Русской академической группы в США, 1967, т. 1, с. 85.*

⁸⁴ *Пушкарёв С.Г. Элементы политической свободы и общественного самоуправления в допетровской Руси. – Записки Русской академической группы в США, 1976, т. 10, с. 139.*

⁸⁵ *Пушкарёв С.Г. О свободе и самоуправлении в России. – Грани, № 126, 1982; № 127, 1983.*

Незадолго до смерти историка ее текст был переработан и составил основу сборника “Самоуправление и свобода в России”. Однако эта книга появилась уже после смерти автора. Она стала последним его трудом и как бы “историческим завещанием”⁸⁶.

В отзыве на эту работу А. Янов отмечал, что хотя в тексте не названо имя Р. Пайпса, но во всем повествовании присутствует полемика с ним⁸⁷. Таким образом, “Самоуправление и свобода в России” явилась своеобразным ответом на известную книгу Пайпса “Россия при старом режиме” (1974 г.). Пушкарев подчеркивал, что “распространенное мнение о том, что русский народ всегда жил в рабстве, привык к нему и стал неспособен к устройству своей жизни на началах свободы и самостоятельности, противоречит историческим фактам”⁸⁸. Он приводил многочисленные примеры развития самоуправления в России и стремление российского общества к политическим свободам начиная от Новгородской республики и до думской монархии. Традиционное стремление народа к свободе и самоуправлению он видел в вечевых традициях, деятельности земств, кооперативном движении и т.д.

В 1988 г. книга была переведена на английский язык и опубликована с предисловием профессора Н. Рязановского, став таким образом доступной для широкого круга зарубежных читателей⁸⁹. В благожелательной рецензии на это издание У.Б. Линкольн отмечал, что Пушкарев рассматривает народное самоуправление как живую традицию, которая существовала вопреки усилиям киевских князей, московских царей, петербургских императоров и большевистских комиссаров подавить ее. Он писал, что “такая интерпретация истории России воплощала надежды, мечты, иллюзии и предубеждения того поколения взрослых русских, которые были вынуждены оставить свою Родину и начать жизнь сначала в эмигрантских общинах, которые простирались от Праги, Берлина, Парижа и Лондона до Нью-Йорка, Сан-Франциско и Харбина”⁹⁰.

Пушкарев принимал активное участие в интеллектуальной жизни русской диаспоры. Он был членом Русской академической группы в США и редактировал исторический отдел ее “Записок”. В 1973 г. он опубликовал в них большую статью “Петр Великий”⁹¹, словно отдавая дань своему пражскому увлечению петровской эпохой. Статья эта представляет собой очерк правления царя-реформатора, обзор оценок его личности и преобразований. С 1951 по 1979 г. Пушкарев регулярно публиковал научно-популярные статьи на исторические темы в “Новом русском слове”, и они пользовались неизменным успехом у русской читающей публики. Тематический охват их был широк, свидетельствуя о глубокой научной эрудиции автора.

В конце 1970-х годов состоялось знакомство Пушкарева с А.И. Солженицыным, который в ту пору работал над романом-эпопеей “Красное колесо”. Он дважды приезжал из Вермонта к историку и вел с ним долгие беседы. Тогда же писатель попытался привлечь Пушкарева к своему проекту “Исследования новейшей русской истории” – сериальному изданию научных работ и источников по узловым проблемам отечественной истории XX столетия. Он хотел реализовать его в полемике как с официальной советской, так и западной историографией. Солженицын полагал, что серия будет способствовать освобождению русской истории от “наростов лжи”, поможет России найти “затоптанную истину” и встать на путь духовного возрождения⁹².

---

⁸⁶ *Сергеев Б.* Жизненный и творческий путь С.Г. Пушкарева. – Русское возрождение, № 32, 1985, с. 102.

⁸⁷ *Russian Review*, 1987, v. 46, № 2, p. 228.

⁸⁸ *Пушкарев С.Г.* Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985, с. 5.

⁸⁹ *Pushkarev S.* Self-Government and Freedom in Russia. Boulder, 1988.

⁹⁰ *Russian Review*, 1990, v. 49, № 2, p. 205.

⁹¹ *Пушкарев С.Г.* Петр Великий. – Записки Русской академической группы в США, т. 7, 1973.

⁹² *Солженицын А.И.* Предисловие к серии “Исследования новейшей русской истории”. – *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995, с. I–II.

Пушкарев с его взглядами и убеждениями идеально соответствовал реализации такого замысла. По просьбе Солженицына он в 1977 г. начал готовить очерк “Исторический облик российского крестьянства”. В нем Пушкарев хотел обрисовать социально-политический облик русского крестьянства на протяжении XVI–XX вв. Он хронологически, по столетиям, изложил основные этапы его истории, сделав особый акцент на становлении общины, развитии самоуправления и взаимоотношениях с местной и государственной властью. Он считал необходимым дать ответ на “ошибочные суждения или клеветнические измышления... о будто бы исконной и неизменной рабской психологии русского крестьянина”⁹³. Солженицын оказался очень доволен работой и назвал ее “подвигом во славу русской истории”⁹⁴.

Параллельно сам Пушкарев выступил с инициативой создания работ о межнациональных отношениях в имперский период. Так родилась его статья “Была ли Россия тюрьмой народов?” На поставленный в заглавии вопрос Пушкарев отвечал отрицательно, что явно импонировало Солженицыну. Писатель полагал, что острота национального вопроса была сильно преувеличена путем проецирования ситуации в западных окраинах России и Финляндии на всю страну. Поэтому и представление о “тюрьме народов” не более чем легенда⁹⁵. В то же время он говорил Пушкареву о необходимости предельно аккуратного, мало уязвимого для критики изложения материала, особенно в части еврейского и польского вопроса. По не выясненным пока причинам ни статья о крестьянстве, ни работа о национальном вопросе так и не были напечатаны.

В последние годы жизни ученый много сил отдал борьбе за Архив русской и восточно-европейской истории и культуры, созданный летом 1951 г. при Колумбийском университете усилиями русских эмигрантов⁹⁶. В 1975 г. университетская администрация переименовала его в Бахметьевский архив, а через два года лишила автономного статуса и отстранила от работы его многолетнего куратора Л.Ф. Магеровского⁹⁷. Пушкарев был в числе тех эмигрантов, кто активно протестовал против принятого решения. Он указывал, что лишение архива прежнего статуса и изгнание его руководителя приведут к значительному сокращению поступающих материалов, что архив рискует стать предметом разнообразных политических спекуляций⁹⁸. Но протест силы не возымел. Сам историк в итоге принял решение передать свой личный архив не в Колумбийский, а в Йельский университет⁹⁹.

Пушкарев пристально следил за международной политикой. Иногда он выступал в печати с заметками на актуальные политические темы, будь то судьба Тайваня или ответ диссиденту А. Амальрику¹⁰⁰. Он рецензировал книги американских, эмигрантских и советских авторов и внимательно наблюдал за развитием исторической науки в мире. Его отношение к советской историографии было противоречивым. Он отмечал прекрасный уровень работ по истории Средневековья и Нового времени, высоко оценивал исследования С.Н. Валка, А.А. Зимина, А.А. Новосельского, И.И. Смирнова, Л.В. Черепнина, В.Л. Янина; более сдержанно относился к работам Н.М. Дружини-

⁹³ ГАРФ, ф. 5891, оп. 2, д. 56, л. 2об.

⁹⁴ Там же, л. 5.

⁹⁵ Там же, л. 8.

⁹⁶ Архив русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете. [б.м.], 1952.

⁹⁷ *Магеровский Л.Ф.* Судьба Бахметьевского архива – рапорт русскому зарубежью. – Новый журнал, кн. 143, 1981, с. 228–232; *Меняйленко М.К.* Деятельность русской эмиграции по сохранению историко-культурного наследия (по материалам Музея русской культуры в Сан-Франциско). М., 2008, с. 119–120 (канд. дис.).

⁹⁸ *Пушкарев С.Г.* Два архива русской эмиграции. – Новое русское слово, 20.XI.1977.

⁹⁹ *Петров Е.В.* Обзорение фондов русских историков-эмигрантов в архивах США. – Проблемы славяноведения, вып. 2. Брянск, 2000, с. 158.

¹⁰⁰ Письмо Пушкарева см.: Новый журнал, кн. 102, 1971, с. 274; *его же.* О судьбе Тайваня. – Там же, кн. 132, 1978, с. 240–241.

на и П.А. Зайончковского, считая, что эти авторы вынуждены приспосабливаться к официальной обличительной оценке императорской России; и однозначно негативно воспринимал работы по советской истории, видя в них исключительно пропаганду.

В последние годы жизни здоровье Пушкарева пошатнулось. Он переехал в квартиру к сыну Борису, в то время уже ставшему крупным архитектором-градостроителем. Вместе с женой Ираидой Легкой (Ванделлос), известной радиоведущей и поэтессой, Борис создал для отца максимально комфортные условия и окружил теплотой и вниманием. Однако здоровье историка стремительно ухудшалось: он почти лишился зрения, а вместе с ним и возможности работать. “Мои душевные силы истощились, и жить стало невмочь. Потеряв трудоспособность, я потерял и волю к жизни”, – написал он за несколько месяцев до смерти¹⁰¹.

Сергей Германович скончался 22 января 1984 г. в Нью-Джерси, где он провел последние годы, и был похоронен в Нью-Хейвене на кладбище Бивердейл, где в 1961 г. упокоилась его жена.

---

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 5891, оп. 2, д. 71, л. 12об.